

UNITED WISDOM

Информационная среда: что я ежедневно впускаю во внутренний мир

Человек и внутренний мир

Andrey Zarinsh & Maria Evilkut

I47 · RU

@andrey.zarinsh @ilkutki

Информационная среда: что я ежедневно впускаю во внутренний мир

Эпиграф

«Об этом размышляйте».

Послание к Филиппийцам 4:8. Короткий редакционный перевод фрагмента World English Bible. Его контекст — христианское нравственное обращение, связанное с молитвой и жизнью общины; это не инструкция выбирать только приятные новости.

О чём эта статья

Представим Елену — вымышленного персонажа, через которого удобно рассмотреть обычный день. Утром она прочитала сообщение коллеги, в дороге увидела несколько новостей, за обедом послушала разговор о чужом успехе, вечером открыла статью и получила семейное видео. К ночи у неё осталось ощущение, что день был тревожным. При этом она не сразу может сказать, какое сообщение изменило её планы, какое дало полезное знание, а какое только сопровождало другие дела. Информации было много, но её происхождение и последствия смешались в одном впечатлении. Рассмотреть этот день — ещё не значит найти причину тревоги.

Мы будем называть информационной средой доступные человеку сообщения, разговоры, тексты и образы вместе с привычным способом обращаться к ним. Здесь важен личный выбор: какие темы получают место, кому мы доверяем, что проверяем и какое отношение уносим дальше. Статья не объясняет работу платформенных алгоритмов и не предлагает идеальную настройку телефона. Она также не устанавливает медицинского воздействия конкретного материала. Её вопрос более доступен наблюдению: что я могу описать в собственном дневном потоке, прежде чем объявить его полезным, вредным или неизбежным?

У этого вопроса несколько опор. Сенека размышляет о чтении и усвоении в стоической философии; Бэкон различает назначения учения и суждения; христианское послание обращается к нравственному вниманию. Современное исследование передачи новостей касается точности в определённых экспериментальных условиях. Эти источники не утверждают одну и ту же теорию информационной среды. Наш журнал наблюдений — редакционное предложение, а не метод любого из перечисленных авторов. Он нужен,

чтобы разделить содержание сообщения, основание доверия, собственную реакцию и последующее действие, сохраняя возможность не знать, что связывает их в данном эпизоде.

I. Начать с того, что действительно вошло

Вечернее впечатление легко описать одним словом: тяжело, интересно, пусто, насыщенно. Однако такое слово не показывает состава дня. В нашей вымышленной сцене Елена может вспомнить пять разных входящих материалов и заметить, что лишь один относился к её сегодняшнему решению. Остальные не обязательно были лишними: семейное видео поддерживало контакт, разговор за обедом был частью общения, статья могла удовлетворять интерес. Смысл наблюдения не в обвинении каждого сообщения в отнятом времени. Он в том, чтобы увидеть разные функции, которые исчезают, когда все материалы попадают в одну рубрику «потребление информации».

Для первого описания достаточно небольшого списка, а не полного учёта каждой минуты. Можно записать тему, канал и обстоятельство: рабочая просьба в начале дня, сообщение о событии по дороге, разговор во время еды. Канал ещё не равен источнику утверждения. В чате мог быть пересказ публикации, в публикации — комментарий участника, в комментарии — чужое предположение. Если человек пока помнит только место встречи с сообщением, это полезное начало. Не нужно достраивать цепочку по памяти и выдавать её за проверенную. Отдельная отметка «исходный источник неизвестен» сохраняет вопрос открытым точнее, чем уверенное название знакомого канала.

У такого списка есть граница частной жизни. Он не требует сохранять чужие личные сообщения, копировать закрытые разговоры или превращать близких в материал исследования. Можно отметить «семейная беседа» без её содержания. Если информация рабочая и закрытая, наблюдение также должно оставаться в допустимых условиях доступа. Практика обращена к собственному способу выбирать и реагировать, а не даёт право собирать всё, что произнесли другие. Полнота журнала не является его главным достоинством. Достаточно нескольких эпизодов, которые позволяют рассмотреть вопрос, не расширяя доступ и раскрытие сверх необходимого.

II. Сообщение состоит из разных частей

Предположим, в пересланной заметке говорится о новом решении учреждения и добавляется: «Теперь всё окончательно изменится». Здесь могут соседствовать проверяемое событие, толкование последствий и эмоциональная оценка. Читатель вправе заинтересоваться всеми тремя. Но если он собирается действовать, полезно выяснить, какая часть служит основанием решения. Дата принятия документа проверяется иначе, чем прогноз о поведении людей. Выразительная оценка не заменяет ни первого, ни второго. Даже когда оценка нам близка, она остаётся оценкой; это не снижает её ценности, а уточняет, какой вопрос к ней можно задать.

Елена может переписать сообщение собственными словами: «Сообщается о решении; автор предполагает такие последствия; у меня возникло беспокойство». Это не официальная процедура фактчекинга и не доказательство нейтральности. Описание тоже может содержать ошибку, поэтому при важном действии потребуется проверить сам документ и относящиеся к нему условия. Но уже видно, что беспокойство возникло после всей конструкции сообщения, а не обязательно после одного подтверждённого факта. Не нужно делать обратный вывод, будто тревожная реакция доказывает ложность заметки. Настоящее событие тоже может тревожить; различение частей не решает их истинность заранее.

В бытовом разговоре это различие особенно легко потерять. Фраза «все теперь так делают» может быть наблюдением нескольких случаев, оценкой нормы или просьбой присоединиться. Можно спросить, о каких случаях идёт речь, если вопрос важен и разговор это допускает. Не всякую беседу необходимо превращать в проверку свидетельств. Иногда её цель — поделиться переживанием, а не дать статистическую картину. Точность состоит также в признании цели разговора. Полезно не использовать дружеский рассказ как готовые данные для большого вывода о людях, не обесценивая при этом сам рассказ как человеческую встречу.

III. Доверять имени и проверять утверждение

Знакомый автор может быть хорошим проводником к теме. Он экономит усилие поиска и предлагает понятный язык. Однако доверие к нему не делает одинаково надёжными все его высказывания. Специалист может говорить в своей области, пересказывать новость из другой или делиться личным вкусом. У каждого высказывания свой статус. В журнале Елена может отдельно отметить, что приняла сообщение потому, что привыкла к имени автора. Это не признание глупости и не повод отказаться от всех знакомых голосов. Это описание основания, которое при необходимости можно дополнить проверкой конкретного утверждения.

Если сообщение связано с важным выбором, полезно идти по ограниченной цепочке: кто утверждает, откуда знает, что именно доступно для проверки. Иногда исходный материал найден, но относится к другой группе, сроку или обстоятельствам. Тогда ссылка существует, а перенос всё равно требует объяснения. Иногда в источнике есть только предположение, которое в пересказе стало уверенным фактом. Наш пример не доказывает, что такое превращение происходит всегда. Он показывает вопрос, который стоит задать в конкретном важном эпизоде. Количество ссылок само по себе не сообщает, поддерживают ли они нужное утверждение и прочитаны ли относящиеся к нему части.

Проверка может закончиться признанием неопределённости. Можно сохранить материал как вопрос, отложить решение или выбрать действие, которое не требует спорного факта. Важно не подменять отсутствие найденного подтверждения окончательным опровержением. Также не нужно бесконечно исследовать каждую малозначимую деталь дня. Усилие соразмерно решению: для выбора развлекательного рассказа достаточно личного вкуса, а для действия с существенными последствиями нужны подходящие основания. Если достоверность зависит от профессионального знания, которого нет, стоит признать эту границу. Личный журнал не превращает читателя в универсального эксперта и не отменяет необходимость компетентного совета.

IV. Реакция и достоверность сообщения

Один материал воодушевляет, другой раздражает, третий оставляет чувство недостаточности. Эти реакции можно отметить, не превращая их в доказательство качества источника. Допустим, рассказ о чужом успехе вызвал у Елены мысль: «Я снова отстаю». В журнале можно разделить сам рассказ и это сравнение. Может оказаться, что автор ничего не говорил о её жизни. А может, публикация действительно предлагала жёсткую меру успеха. Для различения нужно вернуться к содержанию, а не решить всё по силе неприятного ощущения. Реакция заслуживает внимания, но не знает автоматически ни чужого намерения, ни всей причины собственного состояния.

Эмоциональный след полезно описывать достаточно конкретно: захотелось спорить, захотелось немедленно купить, возникло желание связаться с человеком, стало трудно закончить текущее дело. Это возможные реакции в вымышленной сцене, не установленные эффекты данных сообщений. Слово «плохо» часто объединяет то, что потребует разных решений. Иногда уместно не продолжать чтение. Иногда — уточнить вопрос. Иногда — признать, что неприятный материал сообщает о действительности, которую нельзя сделать приятной простым выбором другого источника. Наблюдение не

обязано заканчивать каждую реакцию успокоением; оно помогает назвать доступное действие и предел объяснения.

Связь во времени не даёт единственной причины. Если после вечерней подборки новостей стало тяжело, это важный эпизод, но в нём могли присутствовать усталость, нерешённое дело и разговор, который шёл параллельно. Статья не предлагает самостоятельный эксперимент с намеренным повторением неприятного воздействия. Можно начать с обычного описания и добровольного изменения подходящего условия, не требуя доказать причинность. При заметном длительном ухудшении повседневной жизни вопрос выходит за пределы редакционной памятки. Здесь уместен разговор с подходящим специалистом, а не обещание, что новый список каналов обязательно исправит состояние.

V. Темы, которым достаётся место

После нескольких записей можно увидеть, какие темы повторяются. Возможно, это работа, конфликт, чужие достижения, покупки или забота о семье. Повторение не означает автоматически перегрузку или навязанность. Рабочая тема может быть действительно необходимой в период проекта; семейная — отвечать реальному положению близких. Вопрос состоит в отношении между повторением и намерением. Хотел ли человек ежедневно возвращаться к этой теме? Если да, какие части помогают? Если нет, как она получает место? Личный выбор может сосуществовать с ограничениями, которые нельзя устранить одним решением о чтении.

Не менее интересны отсутствующие темы, но здесь нужна осторожность. Если в журнале нет природы, искусства или истории, это не доказывает бедность внутреннего мира. Человек мог встретиться с ними вне записанного времени или вообще не считать их нынешней задачей. Можно спросить, не отсутствует ли что-то лично желаемое: тема, к которой хотелось вернуться, но для которой не возникло места. Ответ определяется собственным интересом, а не обязательным культурным меню. Журнал не должен превращаться в экзамен на разносторонность. Он делает видимым выбор, после чего человек вправе оставить его прежним либо пересмотреть.

В нашей сцене Елена замечает, что давно хотела понять одну профессиональную проблему, но читала только обсуждения чужих оценок этой проблемы. Это разные занятия. Она может выделить время для первичного материала, не объявляя обсуждения бесполезными. Или выяснить, что её настоящий интерес был именно к реакции сообщества. Такой результат также допустим. Точность помогает не предъявлять одному типу информации задачу другого. Рассказ о людях, обзор мнений и исследование устройства вещи могут быть ценными, но не заменяют друг друга автоматически. Изменение начинается с ясного назначения, а не с обвинения всей привычной среды.

VI. Читать ради чего

В коротком эссе «Об учении» Бэкон различает назначения чтения и подчёркивает участие собственного суждения. Эссе прочитано целиком, но это историческая мысль, а не современный эксперимент; его медицинские аналогии не переносятся в рекомендации о здоровье. В нашей редакционной ситуации различение становится вопросом к одному материалу: хочу узнать факт, понять довод, получить удовольствие, поддержать разговор или принять решение? Целей может быть несколько. Не требуется выбирать единственно правильную. Однако ясная цель позволяет заметить, когда материал отвечает одному запросу, а читатель продолжает требовать от него другого.

Например, популярный рассказ может хорошо знакомить с темой и не давать достаточных оснований для практического вывода. Это не обязательно его недостаток, если он и не обещал такого вывода. Елена может закончить его с новым вопросом, а затем обратиться к подходящему документу или специалисту. Обратная ситуация — подробное исследование, от которого ждут лёгкого вечернего развлечения. Можно отказаться от чтения сейчас, сохранив уважение к материалу. Цель чтения не устанавливает истинность текста, но объясняет, почему хорошая публикация бывает неподходящей для выбранного момента. Не всякое несовпадение нужно переживать как собственную интеллектуальную несостоятельность.

Иногда читают, чтобы произвести впечатление на другого: хочется выглядеть осведомлённым, иметь аргумент, не выпасть из компании. Это человеческие намерения, которые можно заметить без немедленного стыда. Важно лишь не выдавать их за уже достигнутое понимание. В журнале можно различить «узнал формулировку» и «разобрал основание». Если предстоит содержательный разговор, обнаруженный разрыв подсказывает следующий вопрос. Если требуется только лёгкая беседа, большого исследования может не понадобиться. Самопознание здесь не означает очищение от всех социальных мотивов. Оно помогает видеть, какой мотив управляет конкретным обращением к информации и какой результат действительно получен.

VII. Знакомые голоса и открытый вопрос

В выбранных параграфах второго письма Сенека призывает задерживаться у прочитанных авторов и усваивать мысль. Это стоическое наставление, не эмпирическое доказательство вреда разнообразия источников. Здесь нет прямой цитаты и переноса его медицинских сравнений на лечение. Такая опора предлагает вопрос о глубине чтения, но не разрешает закрыть информационный круг. В нашей редакционной сцене можно вернуться к одному доводу и проверить, что именно стало понятно. При этом другой источник может быть необходим, особенно когда знакомый автор пропускает возражение или сам находится за пределами своей компетенции.

Устойчивое чтение и разнообразие не обязаны спорить на уровне лозунгов. Они отвечают разным задачам. Чтобы понять позицию, полезно дать ей достаточно места; чтобы оценить спорный вопрос, может понадобиться сравнение оснований. Быстрая смена имён не гарантирует разнообразия взглядов: разные каналы иногда повторяют одно и то же утверждение. И наоборот, один автор может честно показывать несколько сильных возражений. Личный журнал помогает задать более точный вопрос: какие основания встретились, а не сколько разных имён прошло перед глазами. Ответ требует содержания, а не только списка подписок или красивой самооценки открытости.

Непривычный голос тоже не получает доверие автоматически. Можно искать несогласие и встретить материал, который неверно представляет предмет. Открытость означает возможность рассмотреть основания, а не обязанность принимать все версии равноправными. Елена может записать: «Это противоречит привычному мнению; пока не знаю, чем подтверждено». Такая запись оставляет и интерес, и проверку. Она не требует защищать прежнюю позицию любой ценой и не объявляет новую истинной за её смелость. Выбор источников остаётся пересматриваемым, но пересмотр связан с вопросом и свидетельствами, а не только с удовольствием от интеллектуальной новизны.

VIII. Неприятное содержание и нравственное внимание

Послание к Филиппийцам 4:8–9 связывает предметы размышления с нравственной жизнью христианской общины. Прочитаны эти стихи и ближайший контекст молитвы; это религиозное обращение, а не доказанный способ улучшить настроение. Из него нельзя вывести правило читать только хорошее и приятное. В редакционном сопоставлении важно разделить нравственный вопрос и вопрос эмоционального комфорта. Сообщение о трудной действительности может заслуживать внимания, даже когда оно неприятно. Красивый и успокаивающий рассказ может требовать проверки, если содержит существенное утверждение. Религиозная ценность, фактическая точность и личная реакция остаются различными измерениями.

Личный выбор также касается способа смотреть на людей. Можно читать о конфликте ради понимания положения участников, ради поиска решения или ради очередного подтверждения, что «все такие». В последнем случае полезно заметить собственное обобщение, не приписывая его источнику без проверки. В нашей сцене Елена может спросить, узнала ли что-то о конкретном положении или только укрепила удобный образ группы. Это не требование немедленно примириться со всеми и не запрет на оценку поступков. Можно осуждать действие, сохраняя точность рассказа и не превращая отдельный случай в окончательный портрет каждого похожего человека.

Нравственное внимание не означает обязанность выдерживать неограниченный поток страдания. Человек может ограничить участие, если сейчас не может продолжать, и отдельно решить, есть ли доступная помощь. Остановка чтения не доказывает равнодушия, а непрерывное чтение не доказывает действенной заботы. При этом важно не обещать, что ограничение материала устранит все последствия переживания. Наш вопрос практический: что я знаю, что могу сделать и где находится моя граница сейчас? Иногда ответ — конкретное действие, иногда — признание отсутствия возможности. Журнал не должен заменять реальную помощь подсчётом того, сколько тревожных сообщений человек просмотрел.

IX. Что я передаю дальше

В статье Pennycook и соавторов 2021 года издательский abstract описывает опросные эксперименты и опыт на Twitter: внимание к точности связано с улучшением качества передаваемых новостей в изученных условиях. Также намерение поделиться не обязательно свидетельствует об убеждённости. Полный текст, методы и данные здесь не прочитаны. Поэтому результат не превращается в гарантию личной защиты от ошибок. Он поддерживает ограниченный вопрос о том, на что обращено внимание перед передачей. Наша редакционная памятка не повторяет экспериментальный протокол: она предлагает назвать, что именно мы готовы сообщить другому и с какой степенью уверенности.

Допустим, Елена хочет переслать яркий заголовок. Можно остановиться у трёх вопросов: читала ли она материал, понятен ли источник важного утверждения, зачем она отправляет его этому человеку? Ответ «это интересно обсудить, но достоверность не проверена» отличается от «это произошло, действуй». Не каждое интересное предположение запрещено обсуждать. Важно сохранить его статус и не поручать получателю срочное решение на основании собственного непроверенного впечатления. Если сообщение содержит личные сведения других людей, вопрос об уместности передачи появляется независимо от его истинности. Проверенный факт не даёт автоматически права раскрывать его любому адресату.

Если ошибка обнаружилась после передачи, можно исправить конкретное утверждение в доступном разговоре. Для этого не нужно ни скрывать ошибку, ни объявлять себя ненадёжным во всём. Полезно ясно указать, что было неверно и что теперь известно; неизвестную часть так и назвать. Журнал может показать повторяющуюся ситуацию: материал отправлялся ради реакции раньше, чем был понят. Это наблюдение о нескольких эпизодах, не окончательный диагноз характера. Следующее изменение лучше связать именно с моментом передачи. Большое обещание никогда не ошибаться менее пригодно для проверки, чем конкретное правило не представлять непрочитанный материал как установленный факт.

X. Один пересмотр вместо идеального рациона

После наблюдения возникает соблазн составить идеальный информационный рацион. Но личная среда меняется вместе с работой, близкими, интересами и внешними обстоятельствами. Ей не обязательно соответствовать постоянной пропорции полезного, приятного и трудного. Можно начать с одного пересмотра, относящегося к найденному вопросу: вернуться к исходному документу, оставить место желаемой теме, не пересылать неясный заголовок либо завершить чтение, которое сейчас не отвечает намерению. Это редакционные варианты, а не гарантированные способы улучшить состояние. Выбор можно обсудить и изменить, если реальные последствия отличаются от ожидаемых.

В нашей сцене Елена замечает, что профессиональный вопрос остаётся за обсуждением чужих впечатлений. Она выбирает прочитать один относящийся к нему первичный материал. После чтения может оказаться, что вопрос сформулирован неправильно или требует помощи специалиста. Это не неудача выбора: появился следующий точный шаг. Если же никакой ясности не прибавилось, можно так и записать. Отсутствие результата не следует скрывать красивым отчётом о дисциплине. Польза наблюдения определяется тем, помогает ли оно лучше обращаться с действительным вопросом, а не тем, насколько строго человек исполнил задуманный режим чтения.

Внутренний мир не является пустой комнатой, которую информация наполняет одинаковым способом. У человека уже есть опыт, обязательства, отношения и собственные вопросы. Поэтому точнее спрашивать не только «что вошло», но и «как я с этим обошёлся». Одно сообщение можно проверить, другое обсудить, третье оставить как впечатление, четвёртое не продолжать. Иногда связь между содержанием и реакцией останется неизвестной. Это допустимый итог. Личная информационная среда становится доступнее выбору, когда мы различаем эти действия и перестаём требовать, чтобы каждый материал одновременно развлекал, объяснял жизнь, доказывал истину и помогал принять решение.

Что это значит на практике

Возьмите один обычный день или несколько недавних эпизодов. Запишите три — пять материалов, которые действительно помните: тему, место встречи с сообщением и известный исходный источник. Не восстанавливайте всё по догадке. Личные и закрытые разговоры отмечайте без раскрытия чужого содержания. Если упражнение требует нежелательного доступа к данным, сократите его. Это личная редакционная запись, не измерение влияния среды на здоровье и не сбор материалов о других людях.

Для одного материала отделите четыре строки: что утверждается; чем подтверждается важная для вас часть; какая реакция возникла; что вы сделали после. Реакцию не используйте как доказательство истины или ложности. Если связь между сообщением и действием неясна, напишите «не знаю». Не нужно назначать баллы, нормы или делать вывод о всём информационном дне по одному случаю. Выберите вопрос, который действительно относится к вашему намерению, а не обещает объяснить все переживания.

Посмотрите на цель обращения: узнать, понять, развлечься, поддержать контакт, подготовить решение. Затем выберите одно уместное изменение. Например, прочитать первичный документ вместо обсуждения или сохранить вопрос для разговора, не пересылая материал как установленный факт. Действие должно учитывать реальные обязанности, безопасность и доступ. Отказ от нужной рабочей информации не является обязательным признаком осознанности. Не требуйте от выбранного шага немедленно изменить настроение или подтвердить правильность всей вашей среды.

После шага опишите результат и оставшийся вопрос. Можно оставить выбор прежним, если наблюдение не дало оснований менять его. Прекратите упражнение, если оно превращается в принудительный контроль каждого впечатления или усиливает неприятное состояние. Ежедневная запись не обязательна. Не используйте её для оценки чужой зрелости или навязывания своего списка чтения. Её назначение — помочь вам точнее выбирать следующее действие, сохраняя частную жизнь, право на отдых и возможность обратиться за подходящей поддержкой.

Ключевая цитата

> *«Взвешивать и обдумывать».*

Фрэнсис Бэкон, «Об учении». Короткий редакционный перевод фрагмента о цели чтения. Он выделяет собственное суждение; исторические утверждения эссе о здоровье не являются рекомендациями этой статьи.

Связи между традициями

• **Стоическое письмо Сенеки:** вопрос об усвоении прочитанного. Не доказательство вреда разнообразия и не требование закрыть круг источников.

• **Ранняя современная мысль Бэкона:** вопрос о назначении чтения и участии суждения. Исторический текст, без переноса медицинских аналогий.

• **Христианское Послание к Филиппийцам:** нравственное обращение в контексте молитвы и общины. Не фильтр приятных сообщений и не психологическая гарантия.

• **Экспериментальная психология передачи новостей:** Pennycook и соавторы, только прочитанный издательский abstract и ограниченный вопрос точности перед передачей. Не вся информационная жизнь человека.

• **Редакционная связь:** содержание, основание доверия, реакция и действие различаются. Источники не объявляются согласными об одной природе внутреннего мира.

Первоисточники

1. Francis Bacon. *The Essays or Counsels, Civil and Moral*, Of Studies. Project Gutenberg 575. Прочитано короткое эссе целиком и электронные метаданные; дата печатной редакции не установлена. Текст.

2. Seneca. *Moral Letters to Lucilius*, Letter 2, §§1–5. Перевод Richard M. Gummere, сборник 1917–1925. Прочитаны выбранные параграфы, не весь корпус; прямых цитат здесь нет. Текст.

3. *Philippians* 4:8–9, World English Bible. Прочитаны стихи и ближайший контекст 4:1–7; издатель объявляет текст public domain. Русский перевод фрагмента редакционный. Официальный текст.

4. Gordon Pennycook, Ziv Epstein, Mohsen Mosleh, Antonio A. Arechar, Dean Eckles, David G. Rand. *Shifting attention to accuracy can reduce misinformation online*. Nature, 2021, 592:590–595. DOI: 10.1038/s41586-021-03344-2. Прочитан фактический издательский abstract; полный подписной текст и данные не прочитаны, обход доступа не использовался. Издатель.

Теги

информационная среда, внимание, чтение, источники, доверие, точность, факт, толкование, оценка, реакция, выбор, интерес, темы, общение, частная жизнь, передача информации, проверка, неопределённость, первоисточник, суждение, нравственное внимание, границы, отдых, наблюдение, самопознание, Сенека, Бэкон, христианство, психология, United Wisdom

Про авторов

Andrey Zarinsh — автор и основатель проекта United Wisdom. Исследует темы внутренней трансформации, единства традиций, межкультурного диалога и современной духовной дисциплины. Instagram: @andrey.zarinsh.

Maria Evilkut — соавтор United Wisdom. Помимо исследовательской работы, она стремится проверять эти идеи на практике и наблюдать, как принципы единства и взаимопонимания работают в реальной жизни между людьми и культурами. Instagram: @ilkutki.